

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

20—22 июня 2013

Новые катализаторы изменений

**КАКИЕ СТРАНЫ ПРЕДЛАГАЮТ ЛУЧШИЕ УСЛОВИЯ ДЛЯ ВЕДЕНИЯ ИТ-
БИЗНЕСА?**

Панельная сессия

20 июня 2013

16:00—17:15, Павильон 5, Конференц-зал 5.1

Санкт-Петербург, Россия

2013

Модератор:

Марк Шмулевич, Заместитель Министра связи и массовых коммуникаций Российской Федерации

Выступающие:

Сергей Белоусов, Старший партнер, венчурный фонд Runa Capital; основатель компаний Parallels, Acronis, Acumatica, Rolsen

Мохаммад Гавдат, Вице-президент по развивающимся рынкам по Юго-Восточной Европе, Ближнему Востоку и Африке, Google

Дмитрий Гришин, Генеральный директор, Mail.ru Group

Мартин Де Бир, Старший вице-президент группы по разработке видеотехнологий и решений для совместной работы, Cisco

Аркадий Добкин, Президент, председатель совета директоров, EPAM Systems

Тасо Дю Валь, Сооснователь, главный исполнительный директор, Toptal LLC

Роберт Фариш, Вице-президент, региональный управляющий директор по России и СНГ, International Data Corporation

М. Шмулевич:

Добрый день, коллеги! Предлагаю начать нашу сессию.

В течение одного часа и пятнадцати минут мы будем говорить о том, в каких странах сегодня созданы лучшие условия для ведения ИТ-бизнеса в различных сегментах. Вполне возможно, что для одного сегмента подходит один регион, а для другого — совершенно другой. Мы попробуем также выяснить у наших уважаемых экспертов, что может измениться в ближайшие 10—15 лет. Я считаю, что прогнозы на этот срок необходимо составлять уже сегодня.

Представлю наших панелистов.

Аркадий Добкин, сооснователь и президент компании EPAM Systems, которая занимается аутсорсинговой разработкой программных продуктов и уже распространила свою деятельность на множество стран. Аркадий может, исходя из своего опыта, сравнить способы взаимодействия с разработчиками, принятые в Восточной Европе, включая Россию, в США и других странах. Условия ведения бизнеса для него очень важны: он — один из людей, который принимающих решение о том, в какой стране необходимо нанять еще тысячу разработчиков.

Дмитрий Гришин, сооснователь, генеральный директор и председатель Совета директоров Mail.ru Group, одной из крупнейших интернет-компаний России. Дмитрий увлекается не только ИТ-решениями, но и робототехникой, и сейчас инвестирует в эту отрасль.

Тасо Дю Валь, предприниматель, работающий в основном в Кремниевой долине, который создал несколько компаний и затем успешно их продал. Интересно, что для своих проектов Тасо привлекает разработчиков и инженеров из стран Восточной Европы, включая Россию, поэтому он тоже может сравнивать бизнес-климат в разных странах.

Роберт Фариш, вице-президент и региональный управляющий директор по России и СНГ International Data Corporation — одного из крупнейших аналитических агентств, исследующих ИТ-рынок. Роберт уже много лет на

постоянной основе занимается мониторингом ИТ рынка и прекрасно знает тенденции, господствующие сегодня в России.

Мартин Де Бир, старший вице-президент группы по разработке видеотехнологий и решений для совместной работы, компания Cisco. Среди всех панелистов он — единственный, кто может, благодаря своему опыту, с уверенностью говорить не только о программной, но и об аппаратной части ИТ-рынка. Мы обязательно коснемся этой темы.

Мохаммад Гавдат, вице-президент компании Google по развивающимся рынкам по Юго-Восточной Европе, Ближнему Востоку и Африке. Он отвечает за рынки более чем ста стран: выборка получается репрезентативной. Мохаммад может многое рассказать о том, в каких странах сформировался наилучший климат для ИТ-бизнеса.

Сергей Белоусов, генеральный директор компании Acronis, сооснователь таких компаний, как Parallels, Acronis, Acumatica, а также нескольких венчурных фондов таких, как фонд Runa Capital, работающий на ИТ-рынке, и фонд Qwave, инвестирующий в технологические решения. Возможно, за ними — будущее ИТ-рынка.

Большое спасибо за то, что вы все собрались на этой сессии. Предлагаю начать с аутсорсинговой разработки программных продуктов. Аркадий, первый вопрос — к Вам. Мы все знаем, что Индия в течение долгого времени считалась Меккой аутсорсинга ввиду особенностей ее внутреннего развития и удобной разницы во времени с США. Сегодня на аутсорсинге все чаще находятся разработчики из других азиатских стран — например, с Филиппин. Где сейчас работать лучше всего, и что может измениться в ближайшие десять лет?

А. Добкин:

Не думаю, что в мире произошли большие изменения. Сегодня рынок, на котором работает наша компания — мировой рынок разработок, при которых работа может делаться не там, где продается, — оценивается в 40

миллиардов долларов: Роберт может сообщить более точные цифры. И в основном это по-прежнему Индия. Правда, за последние 5—6 лет он стал меняться, делиться на сегменты.

Весь рынок распределенной разработки растет примерно на 6% в год, но внутри него есть сегменты, требующие более специализированных умений, и они могут расти гораздо быстрее. Это, например, сегмент так называемых *product development services*, разработок для компаний, которые никогда не были софтверными компаниями, а сегодня вынуждены конкурировать на софтверном рынке. У них нет своих наработок, своих квалифицированных работников, своих подразделений: они обращаются к компаниям, способным разрабатывать программные решения для предприятий, которые раньше можно было купить только у SAP и других подобных фирм. Этот сегмент ежегодно растет на 10—12% — вдвое быстрее, чем рынок в целом. За последние 3—4 года он вырос с 8 до 14 миллиардов долларов. В нем уже появляются новые лидеры, заметными игроками становятся компании из Восточной Европы — такие, как мы или Luxoft.

Почему это происходит? Исторически в Восточной Европе — я говорю сейчас о странах, возникших после распада Советского Союза, — существовала другая система обучения, которая формировалась десятки лет, а не была создана в ответ на запросы аутсорсинговой индустрии. Важно понимать, что Индия стала крупным игроком не только потому, что там дешевле стоит труд и лучше обстоит дело с английским языком. Прилагались целенаправленные усилия, чтобы получить серьезные привилегии для этой индустрии, привлечь большое количество талантливых людей, построить инфраструктуру. Если посмотреть на статистику, окажется, что в Индии зафиксировано рекордное количество стартапов: они вырастили за последние 20 лет поколение инженеров, знающих, как создавать новую продукцию.

М. Шмулевич:

Спасибо, Аркадий. Мы вернемся к этому вопросу.

Давайте посмотрим на другой сегмент ИТ-отрасли. В нем работают наиболее квалифицированные специалисты, доля которых от общего числа работников — 3—5%.

У меня есть вопрос к господину Гавдату. Google сегодня является одним из самых привлекательных работодателей в ИТ-сфере. Таким образом, у вас есть конкурентное преимущество: вы можете выбирать лучших из лучших, специалистов, благодаря которым компания будет двигаться вперед. В каких странах, как Вам кажется, сегодня существуют наилучшие условия для выращивания таких специалистов?

М. Гавдат:

Я думаю, лучшие условия — это когда специалисты приходят к нам, а не мы ищем их. На формирование оптимальной среды влияют несколько факторов. Вам нужны люди не просто талантливые, а преданные любимому делу, готовые работать почти бесплатно. Если вдуматься, концепция весьма интересная. Деятельность Google — один из лучших тому примеров. Мы работаем над такими сложными и многообещающими проектами, что первые специалисты мира заинтересованы с нами сотрудничать. Однако глобализация приводит в тому, что талантливые люди могут найти себе применение где угодно. Возьмем Российскую Федерацию. Здесь очень хорошо развита область разработки программного обеспечения, научно-техническая сфера, математика. Весьма вероятно, здесь есть люди, способные на то, на что не способен больше никто в мире. Но если сказать им, что они должны переехать в Калифорнию, в Маунтин-Вью, то они, скорее всего, ответят: «У меня семья, друзья; мой супруг (супруга) не хочет переезжать». Поэтому важно не просто найти нужных людей, но и обеспечить условия, достаточно гибкие для того, чтобы люди получали удовольствие от своей деятельности. Не секрет, что в отдельных странах определенные таланты развиты намного больше, чем где бы то ни было. Здесь, на Востоке, очень высоко развита математика. То же самое касается информатики и осмысления инструментов

развития. Однако если вы хотите достичь успеха в Африке, понадобятся люди, понимающие африканский рынок. Встает следующий вопрос: просто ли это сделать? Скажу честно: нет, это очень сложно. Я совру, если скажу, что легко вести бизнес в России. Но так же нелегко вести его и в Египте, и в любой другой африканской стране. Если бы это было легко, то мне бы не платили за то, чем я занимаюсь. Вот это действительно просто — как дважды два.

Суть данного вопроса — возврат вложений. Да, вести бизнес в России сложно, но подумайте о преимуществах. Талантливые специалисты, доходность бизнеса, потенциал развития страны в будущем — ни одна компания в мире не сможет отказаться от такого поля деятельности только из-за сложности. Никто не скажет, что это неинтересно. Никто не признается, что недостаточно гибок для этого. Одновременно в мире есть страны, где вести бизнес легко, но его доходность осталась в прошлом. Компании могут считать необходимым присутствовать на этом рынке, но весь вопрос в том, каков объем инвестиций, которые они хотят вложить.

М. Шмулевич:

Спасибо, Мохаммад.

Мы услышали сейчас слова, которые, наверное, еще не раз прозвучат в ходе нашей сессии: ИТ-отрасль крайне глобализирована, задаваться вопросом, в каких странах условия лучше, часто не имеет смысла. Нужно исходить из других параметров — таких, как возврат на вложения.

У меня есть вопрос к Сергею Белоусову. Ваша компания занимается созданием программных продуктов. Чтобы создать крупную фирму — скажем, компанию с миллиардной капитализацией, которая займется созданием и продажей программных продуктов, — нужно, чтобы в месте ее создания действовало множество различных факторов. Одного наличия квалифицированных программистов недостаточно. Как Вы думаете, всюду ли можно создать такие компании? Будут ли они вообще создаваться? Если будут, то в каких странах и почему именно в них?

С. Белоусов:

Миллиардная капитализация — это не так много, логичнее говорить о компаниях с десятиллиардной или стотиллиардной капитализацией. С моей точки зрения, число стран, где могут возникнуть такие компании, ограничено. Меня радует, что к этим странам относится и Россия. В ближайшие 5, 10, 20 лет могут появиться компании с десятиллиардной или стотиллиардной капитализацией. Компания «Яндекс» фактически такой и была, хотя ее капитализация немного уменьшилась с момента IPO.

Если говорить о долгосрочных перспективах, то, во-первых, нужно помнить, что положение дел на рынке высоких технологий предсказывать очень тяжело. На этом рынке постоянно происходят революции, которые непредсказуемы, появляются совершенно новые технологии, полностью меняющие ситуацию. Десять лет назад никто бы не подумал, что Microsoft окажется в таком сложном положении, как сегодня. Через 10 лет в сложном положении может оказаться, не дай бог, Google или еще кто-нибудь. Через 20 лет основной поток инноваций, возможно, будет порождать совсем другая отрасль, например, material science. Недавно мне один ученый из Королевского университета рассказывал про микромашины. Роберт Фейнман предсказал несколько революций, которые изменят мир. Он говорил, что совсем крохотными станут носители информации, устройства, производящие вычисления, и машины станут очень маленькими. Будут ползать микромашины и выдавливать для вас пасту, маленькие роботы будут стричь вам бороду и так далее.

Итак, ИТ-отрасль совсем не обязательно будет самой инновационной, и поэтому очень сложно предсказать, где есть условия для создания таких компаний. Есть два региона, где большое внимание уделяется развитию технологий. Это Юго-Восточная Азия и Латинская Америка — я имею в виду прежде всего Бразилию. Пока таких компаний там не видно, но, как мне кажется, они вполне могут появиться.

М. Шмулевич:

Спасибо, это интересно. Будем ждать и наблюдать за этими странами.

Следующий вопрос обращен к Мартину Де Биру. Давайте посмотрим на компании, которые занимаются не только софтверной, но и аппаратной частью. Они также создают определенный продукт, и успех таких компаний зависит от факторов, действующих на аппаратном рынке, в том числе от степени защиты интеллектуальной собственности и охраны патентов на аппаратные части. Как, по-Вашему, сейчас обстоит дело с защитой интеллектуальной собственности на программную и аппаратную части ваших продуктов? Достаточно ли степень этой защиты для того, чтобы чувствовать себя уверенно? В каких странах Вы чувствуете себя уверенно, а в каких — нет?

М. Де Бир:

Прежде всего, создание интеллектуальной собственности реализуется первоклассными специалистами. И начинается оно с эффективной образовательной системы. Например, выпускники российских вузов обладают глубокими знаниями в прикладных науках, математике и смежных дисциплинах. Это поистине неиссякаемый источник инноваций и создания интеллектуальной собственности. В то же время создание интеллектуальной собственности требует адекватных законов для защиты интеллектуальных прав. Только такая среда может питать инновации. США и Европейский союз имеют высокоэффективные системы с современными законами и контролем их соблюдения. У них компании не боятся инвестировать, зная, что их интеллектуальная собственность будет защищена. В принятии и соблюдении правильных законов крайне важную роль играет правительство. Для России это особенно важно. Я также считаю, что недавнее вступление России в ВТО поможет нам нормализовать законы и способы обеспечения их соблюдения как в Российской Федерации, так и по всему миру. Всё больше компаний ведут

деятельность в глобальном масштабе, и инновации реализуются на глобальном уровне. На мою проектную организацию, к примеру, работают инженеры в России, Франции — фактически, по всему миру. При такой широкой совместной работе защита интеллектуальной собственности и контроль соблюдения законов становятся проблемой международного масштаба. В этом смысле стоит использовать преимущества вступления России в ВТО и скоординировать правовые вопросы. Как член Американско-российского делового совета, я являюсь свидетелем многих значительных изменений последних двух лет и уверен в успехе. Со временем все вопросы будут согласованы. Я уверен, что дело пойдет на лад.

М. Шмулевич:

Будем надеяться, что так и случится.

Стоит обратиться к опыту Роберта Фариша, который уже много лет тщательно исследует российский ИТ-рынок. Роберт, насколько, по-Вашему, Россия сегодня конкурентоспособна, если говорить о создании условий для ИТ-бизнеса? В чем заключаются основные недостатки? И самое интересное: что изменилось за последние десять лет?

Р. Фариш:

Если не возражаете, я воспользуюсь очень верной мыслью Мохаммада относительно баланса возможностей и трудностей. Что касается возможностей, то Россия — это необъятный рынок. Большинство крупных ИТ-компаний инвестируют в него именно потому, что хотят быть ближе к подобному потенциалу. Согласно данным International Data Corporation, Россия занимает десятое место среди крупнейших ИТ-рынков мира, показывая статистику в 23 миллиарда долларов США за прошлый год. Российский рынок программного обеспечения находится на тринадцатом месте в мире. Он оценивается в 4,6 миллиарда долларов США за прошедший год. С моей точки зрения, проблема заключается в том, что огромные человеческие ресурсы в

ИТ-сфере, которыми обладает Россия, могли бы быть использованы более эффективно. Согласно Arkit, профессиональной ассоциации, чьи данные проверены IDC, в российской ИТ-сфере занято около миллиона человек. Порядка 70% из них работают в организациях-пользователях или каким-либо образом связаны с ними. По нашему мнению, это чрезвычайно неэффективный способ использования ресурсов в экономике. Если есть профессиональные специалисты с востребованными на рынке квалификациями, но при этом они не влияют на развитие ИТ-сектора и на рынок в целом, тогда они поддерживают лишь одного пользователя. Как подводные запасы замороженного метана нельзя использовать до тех пор, пока не изменится климат, так и эти люди не смогут эффективно помогать экономике, пока им не создадут условий.

Далее: когда мы хотим наладить где-то бизнес, связанный с программным обеспечением, мы строим фабрики ПО. В этом случае необходимо собрать квалифицированных людей вместе, желательно под одной крышей. Необходимо иметь надежный источник таких квалифицированных людей и возможность платить им достаточное количество денег, чтобы обеспечить себе прибыль. В России бизнесменам непросто привлекать специалистов из разных регионов страны, потому что люди с трудом решаются на переезд. Добавлю, что на рынке труда представлены и другие русскоговорящие группы, которые также могут быть привлечены компаниями, ведущими деятельность в России. Но взять на работу гражданина Украины или Узбекистана ИТ-компаниям еще сложнее.

Что касается второй части вопроса — что изменилось за последние годы, — то в России, мне кажется, есть привычка недооценивать те достижения, которых страна как рынок добилась за 10 или 20 лет. Когда я впервые приехал в Россию, ситуация в отношении интеллектуальной собственности была предельно зыбкой: никто толком не разбирался в этом вопросе. Объем программного пиратства в 2003 году по данным Business Software Alliance составлял около 89%. С 2011 года эта цифра упала, если не ошибаюсь, до

60%. Ситуация в отношении соблюдения закона и правовой среды поменялась коренным образом. Что касается широкополосного доступа в Интернет, то сегодняшняя инфраструктура обеспечивает им 30% российских семей, вдвое больше, чем 6—7 лет назад.

М. Шмулевич:

Мой следующий вопрос обращен к Дмитрию Гришину. Помимо условий для ведения бизнеса, ИТ-компании интересуют и другие вещи — в первую очередь, размеры рынка. Российский интернет-рынок, на котором работает компания Mail.ru — это, пожалуй, одно из преимуществ нашей страны. Самый большой в Европе, он обладает потенциалом дальнейшего роста. Но сегодня, в условиях глобализации, работать только на внутреннем рынке достаточно сложно: все-таки российский рынок — лишь ничтожная часть мирового рынка. Как Вы думаете, сегодня работа в России связана с какими-либо возможностями или эти возможности почти исчерпаны?

Д. Гришин:

Действительно, российский интернет-рынок достаточно велик. Согласно недавней оценке Минкомсвязи, он дает около 4% ВВП страны: доля достаточно существенна. И, наверное, никто не будет отрицать, что это один из самых перспективных рынков как в России, так и во всем мире, если говорить о возможностях роста. Назову лишь несколько основных тенденций: растет число интернет-пользователей, растет число пользователей смартфонов. Можно ожидать, что через 5—10 лет, пять или шесть миллиардов людей во всем мире будут пользоваться смартфонами и иметь доступ к интернету. А значит, потребителей этих услуг станет на порядок больше, чем сейчас, хотя их уже и сейчас немало. Поэтому, как мне кажется, российский интернет-рынок обладает серьезным потенциалом роста.

Нужно ли сосредотачиваться на России или выходить на зарубежные рынки? Хороший вопрос. До 2012 года внимание большинства российских интернет-

компаний было полностью сконцентрировано на отечественном рынке. Надо было просто понять, как на нем работать, как строить бизнес, и времени на раздумья о глобальной экспансии просто не было. Но, накачав мышцы, если можно так выразиться, на российском рынке, мы хотим выходить и на зарубежные.

Хорошим примером служит наше подразделение по выпуску игр. Наши игры уже доступны в 14 странах мира. Мы видим, что есть рыночный потенциал, связанный с выводом российских продуктов за рубеж. Конечно, есть много сложностей, и одна из главных — это психология, менталитет. При работе на русском рынке у тебя появляется психология защитника: ты должен не пускать врагов на местный рынок и поддерживать быстрый рост этого рынка. А когда ты выходишь на другие рынки, психология немного меняется: ты должен строить что-то с нуля, находить уникальные точки сбыта на этих рынках. Направление очень привлекательное, но работать в этом направлении непросто. Я периодически общаюсь с представителями компаний, которые пытаются выводить свои продукты за рубеж, и все говорят, что это сложно. Но при этом уже несколько участников панели отметили, что интернет-рынок и ИТ-рынок в целом становятся глобальными. Поэтому выход на зарубежные рынки — это естественный шаг, и мы о нем задумываемся.

М. Шмулевич:

Отлично, будем ждать.

Мы поговорили о рынке. Однако продукты нужно разрабатывать в конкретной стране. Тасо, я хочу задать вопрос Вам. Не секрет, что некоторые Ваши коллеги из Силиконовой долины удивляются, узнав, что ваша компания начала разработку своих продуктов в Восточной Европе. Насколько я понимаю, Вы работаете сразу в нескольких странах. Для предпринимателя из Силиконовой долины это нетипичное решение. Почему вы так сделали, в каких странах осуществляете разработку, что это вам дает?

Т. Дю Валь:

Хотелось бы начать с того, что компании, занимающиеся аутсорсингом в Кремниевой долине, часто думают о выходе на Индию или другие страны, где затраты на оплату труда будут ниже. Такие компании, как Infosys, Google, Facebook, заполнили рынок вакансиями и отобрали всех лучших специалистов. Российский и восточноевропейский рынки не так насыщены вакансиями, как индийский или пакистанский. Даже на множестве существующих сегодня фриланс-платформ не так просто найти талантливого сотрудника. Однако в Пакистане, несмотря на культурные сходства (рыночная система и система образования достаточно схожи), найти нужных людей до сих пор значительно проще, в частности, потому что Infosys и Google еще не пришли в Пакистан. Найти людей можно, но их не так много. Думаю, что все задаются вопросом, почему мы пошли в Россию, почему мы пошли в эти страны. Надеюсь, мой ответ проясняет, почему мы пошли за этим именно в Россию.

Что касается квалификации, то инженеры из России, Украины и других стран СНГ, в целом, образуют элиту. Многие из них едут работать на Google в Сан-Франциско, едут в США, чтобы работать в лучших компаниях. Из разговора с российскими инженерами, приехавшими работать в Кремниевую долину, я сделал вывод, что для них этот шаг — возможность стать лидером на рынке труда. Мы же сотрудничаем удаленно, создаем виртуальные команды. У нас есть офис в Москве, но большую часть работы выполняет наша виртуальная команда. Российская Федерация имеет 1—2% первоклассных специалистов. Думаю, люди более склонны ставить под сомнение выбор России, нежели выбор использования аутсорсинга в целом. Если бы выбирать пришлось мне — а мне приходилось, — то я бы сделал выбор в пользу Российской Федерации, и мы будем поддерживать это направление. Таким небольшим компаниям, как наша, очень сложно проникнуть на индийский рынок. Это очень сложно, если не иметь выстроенной инфраструктуры подбора специалистов, когда прямо из университетов выбираются топовые таланты. В Сибири и

других регионах России, в странах СНГ таланты до сих пор ждут своих работодателей.

М. Шмулевич:

Большое спасибо, Тасо, все ясно. Приятно слышать такие позитивные отзывы о возможностях разработки в России. Нам, конечно, хочется, чтобы вы остались удовлетворены своим выбором и чтобы таких компаний становилось больше. Мы, в свою очередь, будем делать все, чтобы компаниям было легче принять подобное решение.

Аркадий, если можно, я прямо попрошу Вас сравнить бизнес-климат в тех странах, где Вы работаете. Представьте, что Вы получили новый заказ, который требует привлечения 5000 новых разработчиков: где их нанимать? Какую страну или какие страны Вы сегодня выберете? Почему? Если России среди них не будет, можем ли мы сделать так, чтобы через десять лет она вошла в их число?

А. Добкин:

Если завтра появится возможность получить заказ, требующий привлечения 5000 человек, то я сразу откажусь: не хочу портить репутацию компании.

Я бы хотел поговорить на другую тему. Мы обсуждаем разные формы аутсорсинга. Можно довольно долго спорить о том, что такое аутсорсинг, хорошо это или плохо. Надо ставить вопрос так: для кого это хорошо или плохо? Скорее всего, для конкретной страны, потому что в нашем бизнесе все компании — международные. Если имеется такой рынок, как у Mail.ru, это замечательно. Если же мы возьмем программные решения для предприятий, то сегодня в России рынок сбыта для них намного меньше, чем на Западе. Соответственно, компанию, выпускающую такой продукт, ожидают трудности, потому что рынка нет.

Другой, и очень интересный, вопрос — где находятся разработчики. Для любой страны хорошо, если в ней создаются рабочие места. В чем

заключается феномен Индии? В том, что 20 с лишним лет назад она создала условия для осуществления разработок. Америка потеряла огромные деньги и целое поколение специалистов, которые перестали заниматься разработкой. Возместить этот ущерб практически невозможно.

В Восточной Европе в какой-то момент оказалось много безработных инженеров и программистов, и найти талантливых людей 15—20 лет назад было очень легко. А потом оказалось, что для построения серьезного бизнеса, способного конкурировать с Infosys или IBM Global Services, нужно обеспечивать определенное качество на каждый доллар. В Индии существуют громадные льготы: чтобы разработку отдали в любую другую страну, нужно ввести в ней подобные же льготы. Возможно, через десять лет Индия потеряет свою привлекательность, но зато там уже будет существовать инженерная культура, что очень важно.

В компании ЕРАМ сегодня работают девять с половиной тысяч человек: чуть больше тысячи в России, почти три тысячи в Украине, больше трех тысяч в Белоруссии, около тысячи в Венгрии и еще немного — в Казахстане и в Польше. Если говорить о бывших республиках Советского Союза, то Белоруссия — страна без каких-либо серьезных возможностей, — создала условия для развития ИТ-индустрии быстрее остальных: это произошло 5—6 лет назад. Она сделала практически то же самое, что и Индия. Сейчас на этот же путь встала Украина. Россия несколько отстает, льготы здесь не так велики. Есть мнение, что этого не нужно делать, потому что программисты в России и без того востребованы. Если же Россия хочет поучаствовать в дележе пирога и создавать для этого рабочие места, то налоговые льготы, о которых говорят годами, должны вводиться с учетом глобальной структуры ИТ-отрасли. Это будет полезно в любом случае.

М. Шмулевич:

Спасибо. Это интересно.

В последнее время мы поняли, что составить общее представление об условиях ведения бизнеса в России нелегко: есть много локальных особенностей. Поэтому мы подготовили книгу, которая лежит рядом с каждым из вас: это своего рода ликбез по условиям для ведения ИТ-бизнеса в России, с описанием ситуации по сегментам. Льготы у нас есть; мы работаем над тем, чтобы они сохранялись и были доступны все большему числу ИТ-компаний. Если посмотреть, что написано в этой книге, и сравнить условия для ведения ИТ-бизнеса в России и в других странах с учетом таких важнейших показателей, как налоговый режим и стоимость рабочей силы, мы увидим, что условия у нас не такие уж плохие. Россию вполне можно сравнивать с другими странами СНГ и с другими европейскими странами. Везде есть свои особенности, но Россия в этом плане вполне конкурентоспособна.

Давайте поговорим о другом. Привлекательность ведения ИТ-бизнеса в той или иной стране определяется не только институциональными условиями. Многие считают сильной стороной России то, что в Советском Союзе реализовывалось много наукоемких проектов и было подготовлено множество инженеров. Позитивный эффект от этого мы наблюдаем до сих пор. Сегодня есть возможность, используя этот потенциал, осуществлять достаточно наукоемкие проекты. Поговорим о науке.

Сергей, мне известно Ваше мнение: вложения в науку намного больше влияют на развитие бизнеса в долгосрочном плане, чем в краткосрочном. Может быть, России нужно не только улучшать институциональные условия, но и серьезнее задумываться о фундаментальных и прикладных разработках, эффект от которых ИТ-рынок почувствует через десять и более лет?

С. Белоусов:

Это хороший вопрос. У меня на него уже вырабатывается условный рефлекс. Я чувствую себя заводным попугайчиком: нажимают кнопочку, и я начинаю говорить, почему надо инвестировать в науку. Это продолжается много лет, но пока ни к чему не привело.

Во-первых, замечу, что на всех сессиях Форума постоянно говорится о том, что нужны личные свободы, демократия, отсутствие пиратства, простота ведения бизнеса, отсутствие коррупции, — а вот Аркадий считает, что наилучшие условия созданы в Белоруссии, о которой часто высказываются почти как об «империи зла». Действительно, там очень развитой ИТ-бизнес, в небольшой стране с восьмимиллионным населением есть как минимум две крупные компании с миллиардной капитализацией. Одна из них — это компания Аркадия, а другая, — та, которая производит игру World of Tanks. Очень многие компании занимаются аутсорсингом, ИТ-бизнес прекрасно развивается.

Во-вторых, у таких компаний, как Parallels, Mail.ru или Google, с одной стороны, и таких, как ЕРАМ, — с другой, очень сильно различаются взгляды на ИТ-бизнес. Как вообще можно говорить представителю, например, Parallels такое: «Вы придумали проект, для которого завтра нужно нанять пять тысяч человек»? У него волосы дыбом станут. В таких компаниях первостепенную роль играют 1—2% сотрудников, которые разрабатывают сложнейшие технологии.

Так, в портфель компании Rupa входит компания NGINX: созданный ею веб-сервер сейчас становится самым популярным в мире веб-сервером для больших сайтов. Его используют Facebook, «Яндекс» и другие подобные компании. Google этот веб-сервер не использует — у них собственный есть. Но это они делают зря. Данную программу написал один человек. Сейчас, конечно, их уже больше, делается коммерческий продукт.

Где найти такого человека? На Украине, в других местах? Думаю, что можно провести интересную корреляцию — Министерству связи стоило бы этим заняться — между наличием крупных ИТ-компаний уровня «Яндекса» и, например, количеством Нобелевских премий за науку. Не Нобелевских премий мира — гражданам Белоруссии их, наверное, не давали, — а премий за науку. Можно вспомнить Алферова, он в Белоруссии родился, хотя сейчас живет в России. Так вот, выяснится, что существует прямая корреляция: мощные

компании создаются именно там, где вкладываются большие средства в науку. В России сейчас инвестируют в науку меньше. Слава богу, для ИТ-сферы самая важная наука — это математика, не требующая больших инвестиций, поэтому математика в России все еще сильна. Можно посмотреть на топ-10 или топ-5 стран по количеству филдсовских медалей, и так далее. Инвестиции в науку — главная предпосылка для возникновения таких компаний.

Сейчас я налаживаю работу своего второго фонда, Runa Capital. Недавно я общался с представителем компании Horsley Bridge, создавшей фонд фондов, и он мне предоставил статистику по инвестициям в высокие технологии. Этот фонд фондов — один из самых известных в мире, входящий в тридцатку крупнейших венчурных фондов. Они собрали статистику за последние 20 или 30 лет. Вывод из статистики можно сделать такой: крупные технологические системы создаются компаниями, которые имеют даже не миллиардную капитализацию, а десяти- или стомиллиардную. Почти все деньги в сфере высоких технологий зарабатываются не теми компаниями, которые получают 300—500% процентов на вложенный капитал, а теми, которые получают 3000% процентов и больше. Думаю, что люди, которые вкладывали в Facebook с капитализацией в 10 миллионов долларов, получили намного больше 1000%.

Мы видим две успешные экономические модели. Одну — в Индии, где нет, наверное, даже компании по производству продуктов с капитализацией в 10 миллиардов долларов. Другая модель представлена в Израиле и в Америке, где есть десятки компаний с капитализацией в сотни миллиардов долларов. Пожалуй, есть еще только три такие страны — Корея, Япония и Германия. Возможно, такими странами станут Россия и Китай, но для возникновения крупных компаний обязательно нужны инвестиции в науку.

М. Шмулевич:

Большое спасибо.

Мохаммад, мой вопрос к Вам тоже касается исследований, но уже не фундаментальных, а с прикладных, которые проводятся центрами по исследованиям и разработкам. Сейчас в России оживленно обсуждается вопрос о том, нужно ли делать ставку на увеличение числа центров по исследованиям и разработкам международных компаний. В некоторых регионах России — например, в Калужской области, — открылось много заводов, принадлежащих иностранным компаниям. Многие говорят: значит, компаниям комфортно в этом регионе, и он победит в конкурентной борьбе. Тоже самое можно сказать о центрах по исследованиям и разработкам в масштабе всей страны. Центры, открытые крупными международными компаниями, позволяют нашим разработчикам усвоить зарубежный опыт, усвоить культуру разработки, маркетинга и продажи продукта. Однако многие боятся, что открытие подобных центров неблагоприятно скажется на российской экономике: лучшие российские программисты получат предложения от этих компании, и российский рынок труда в итоге потеряет специалистов, а не приобретет. Что Вы думаете об этом?

М. Гавдат:

Думаю, Вы ответили на вопрос последней фразой — произойдет «утечка мозгов». Надо определиться с тем, что вы пытаетесь создать: рабочие места или экономику, создающую рабочие места. Это две радикально отличающиеся задачи. Мне очень понравилась мысль Сергея. Самые впечатляющие инновации мира были реализованы одним-двумя людьми, которые были исключительно талантливы. То есть один человек генерирует идею, а та порождает компанию, создающую 50 тысяч рабочих мест. Если взять сегодняшнюю среду инноваций, то Интернет демократизирует знания до такой степени, что во главу угла становится талант, а не образование и навыки. Если взять сильные стороны конкретной страны, например, России, то по количеству талантливых математиков она затмевает многие другие страны мира. Необходимо фокусироваться на своих сильных сторонах. У вас есть

таланты в математике, алгоритмике и информатике. Именно таланты, а не знания. Талантливые люди, которых не заменить иностранными сотрудниками. В некоторых странах мира есть возможность научить людей программировать, но не так просто найти тех, кто по своей природе талантлив в решении задач алгоритмики, математики и информатики. Таких людей не найти, если их не воспитывают определенным образом, но Россия, похоже, владеет этим секретом. Если задуматься, то я выступаю едва ли не против расширения возможностей для отъезда из страны. Что я имею в виду? Дав талантливым сотрудникам больше шансов поступить на среднестатистические должности, мы выведем их из той узкой ниши, где они обязаны создать некую вещь, которая впоследствии породит 50 тысяч рабочих мест. Вот у меня на родине, в Египте, есть неплохие программисты. После получения диплома они становятся веб-разработчиками, потому что этого требует рынок, на этом сконцентрирована вся технология. Они не загнаны в угол и не испытывают столь сильной нужды в деньгах, чтобы бросить эту работу и заняться предпринимательством. Я вхожу в советы по инновациям в разных странах мира. С моей точки зрения, одна из главных проблем заключается в том, что правительство делает акцент на краткосрочной задаче по созданию рабочих мест для 10 тысяч человек, которые будут трудиться в центре по исследованиям и разработкам или в каком-нибудь бизнес-инкубаторе. В реальности же необходимо найти 20 сверхталантливых людей — а это очень нелегко — и как раз-таки загнать их в угол, где им придется создать ту вещь, которой предстоит стать такой же крупной, как Mail.ru, Yandex или Google. И дело здесь совершенно не в количестве, а в глубине таланта. Если вы спросите меня о работе в Google, то я посоветую держаться от нашей компании подальше. Она предлагает именно те среднестатистические возможности, которые тормозят людей на пути к звездным достижениям.

М. Шмулевич:

Большое спасибо, очень интересный ответ.

Попробуем немного пофантазировать, поговорить не о сегодняшних условиях ведения бизнеса, а о тех, которые могут выйти на первый план в будущем, с учетом наблюдаемых тенденций. Мартин, вопрос к Вам: если принять во внимание бурное развитие облачных технологий, наверняка затрагивающее стратегию компании Cisco, что поменяется в ближайшие годы? Какие условия для ведения бизнеса станут более важными или, наоборот, менее важными, с учетом «ухода в облака» и программной, и аппаратной части? Что выйдет на первый план? Или все останется по-прежнему, как сейчас?

М. Де Бир:

Двадцать пять лет назад компания Cisco сыграла важную роль в создании Интернета. Сегодня Интернет достигает самых удаленных точек Земли. Затем появились гуглы и фейсбуки, создав ценность поверх самого Интернета. Всемирная паутина обрела совсем иной смысл. Сегодня в ситуации на рынке информационных технологий наблюдаются структурные сдвиги. Меняются базовые модели. Облако, мобильность, видео и другие технологии в корне меняют работу с Интернетом. Со временем Интернет будет всё больше соединять не только людей с информацией, как во времена всемирной паутины, но также людей с людьми, людей с вещами и машины с машинами. Последнее время в Cisco часто упоминается понятие «Интернет во всём». Что это значит? Сегодня реализуется лишь около 1% объединяющих возможностей Интернета. Поле для инноваций и автоматизации, способных сделать окружающую нас среду намного умнее, гораздо шире. Вот что значит «Интернет во всём».

Очень важную роль будут играть облачные технологии. При помощи облачной технологии сеть и Интернет станут платформой, которую можно запрограммировать специальным софтом или приложением. Пользователям станет доступен широкий выбор видов операций, приложений и решений. Это сделает города более безопасными. Это поможет сократить пробки. Это поможет снизить уровень загрязнения. Это разрешит многие глобальные

проблемы человечества. Интернет произвел революцию в области образования, здравоохранения, и я искренне верю, что это только начало.

С другой стороны, облачные технологии стимулируют талантливых людей: они смогут вводить новшества и создавать ценности новыми способами. В отличие от технологий прошлого, когда аппаратная и программная части были привязаны друг к другу, теперь программное обеспечение работает на различном аппаратном оборудовании, которое стало виртуализированным и доступным при помощи данного программного обеспечения. Google реализует свои приложения в облаке. Приложение Facebook не привязано ни к какому отдельному серверу или группе серверов; оно виртуализировано по нескольким центрам обработки данных, объединенных облачной технологией. В какой точке света находится талант, создающий ценности и инновации, уже не столь важно. Важнее то, о чем говорил Мохаммад: уровень этого таланта. Инновации получают неограниченные возможности для развития. Россия может смотреть в будущее с оптимизмом, так как обладает невероятным количеством талантливых инженеров. Последние несколько лет я много работал в Российской Федерации, и среди прочего меня поражала одна вещь: насколько пессимистично русские настроены по отношению к своей стране. Вам стоит быть более оптимистичными. У вас много талантливых людей, и, я думаю, правительство будет стремиться создать для них благоприятные условия. Вы двигаетесь в верном направлении. Облачные технологии сами по себе должны создать массу возможностей не только для инноваций, но и для развития России вообще. Всё, что будет создано здесь, послужит моделью другим странам и принесет им пользу. А это значит, что Россия опять же окажется в плюсе.

М. Шмулевич:

Большое спасибо, Мартин. Действительно, нужно не только работать над повышением рейтинга страны, но и проявлять оптимизм: тогда результат будет намного лучше.

Дмитрий, как на Вашей компании отразился «уход в облака», который, наверное, влечет за собой дальнейшую глобализацию бизнеса и делает более простым выбор решений, независимо от местонахождения компании? Что в Вашем бизнесе может принципиально измениться в ближайшие годы? А, может быть, «уход в облака» — это вообще не главная тенденция?

Д. Гришин:

Mail.ru всегда был облачным сервисом, но для ограниченного числа пользователей. Поэтому для нас «уход в облака» был естественным процессом.

Если говорить про тенденции, которые наблюдаются в России и в мире, то это прежде всего широкое использование мобильных телефонов и смартфонов. Как я полагаю, оно сильно изменит интернет-рынок — многие даже не представляют, насколько сильно. У каждого человека будет устройство с подключенной кредитной карточкой, которое подключено к интернету и знает, где этот пользователь находится. Будет создано множество сервисов, изменятся многие офлайн-рынки. Все это сильно недооценивается, а мне кажется, что это главная тенденция ближайших лет. Уже сейчас видно, что Интернет выходит за пределы так называемого «классического Интернета»: поиск, почта, социальные сети оптимизируются для смартфонов, появляются интересные сервисы, меняющие бизнес-среду вокруг нас. Думаю, эта тенденция будет проявляться все сильнее.

Здесь много говорилось о России. Нам нужно создавать больше рабочих мест или проводить качественные изменения. На мой взгляд, в количественном соревновании с такими странами, как Индия, Китай, Пакистан, шансов у России нет. Даже, если все мы очень сильно постараемся, миллиарда жителей у нас в ближайшее время не появится. Поэтому остается только один путь — повышать качество разработок, привлекать лучших специалистов и удерживать их. Возьмем Соединенные Штаты: это страна иммигрантов, куда стремятся лучшие люди со всего мира. Туда ежегодно переселяются около

трех миллионов человек. Представляете: лучшие из лучших хотят поменять место жительства! Внутри России тоже есть такая территория — Москва, куда стекаются лучшие специалисты из всех регионов. Наверное, больше половины компаний международного уровня, существующих в Москве, созданы людьми, которые приехали в столицу из других мест. Мне кажется, можно попробовать сделать Россию таким же хабом, каким является Америка — если не глобальным, то хотя бы региональным, в масштабах СНГ. Это мне кажется самым необходимым шагом.

Известно, что многие приезжают учиться в наши вузы, но потом не остаются здесь — либо не могут получить вид на жительство, либо их останавливает что-то еще. Надо постараться удержать их, сосредоточиться на этой задаче. Вот о чем надо думать в первую очередь. Можно создать компанию, которая будет выдавать каждому сертификат программиста, но это мало что изменит.

М. Шмулевич:

Отлично.

Я хотел бы еще задать два вопроса. На первый могут отвечать все желающие. Возможно, я попрошу кого-то ответить, а потом смогут подключиться и остальные. В названии нашей сессии есть слова «Условия для ведения ИТ-бизнеса». Я представляю орган власти, который может и должен делать так, чтобы в России эти условия улучшались. Нам крайне необходим ответ на вопрос: что больше всего мешает вашей компании развивать свой бизнес в России? О чем вы больше всего сожалеете? Что вы хотели бы изменить? Что можно изменить в ближайшие десять лет?

Прошу вас быть очень краткими. Может быть, начнет Сергей — как человек, который активно занимается бизнесом?

С. Белоусов:

Это два вопроса или один?

М. Шмулевич:

Пока один. Хуже всего то, что у вас всего минута.

С. Белоусов:

Я могу выдвинуть два предложения, одно из которых — достаточно очевидное. В Америке престижной отраслью науки являются Computer Science, софтовый инжиниринг и связанные с этим области математики. Есть много университетов, институтов, исследовательских групп, профессоров, которые занимаются этими вопросами. Настоящим ученым это может показаться не вполне наукой — так, инженерия какая-то, прикладная вещь. В России заниматься этим не так обидно. Но Computer Science и софтовый инжиниринг почему-то не очень интересны Министерству образования и науки и Министерству информационных технологий.

М. Шмулевич:

Нет, очень интересны.

С. Белоусов:

Хотелось бы, чтобы в этой области возник какой-нибудь host. Если бы в России появилось, допустим, 500 профессоров мирового уровня в данной области, это очень помогло бы ИТ-индустрии. Эти профессора готовили бы знающих postdoc'ов, из которых многие занимались бы research'ем, а отдельные попадали бы в Mail.ru, «Яндекс», Parallels. Государство должно создавать для этих профессоров должности, создавать институты: 5, 10, 50 институтов, сколько именно — надо разбираться.

И еще: необходимо совершенствовать инфраструктуру. Только что говорилось про Москву. Есть одна проблема, связанная с ведением бизнеса в Москве, которая гораздо серьезнее проблемы пиратства: в Москве очень большие пробки. Может ли государство сделать что-нибудь, чтобы пробок не было? В Москве много талантливых людей, а эффективной работы не получается. Мои

сотрудники доезжают до работы в среднем за 2 часа 20 минут. Это значит, что они тратят на работу на 20% меньше времени, чем жители Сиэтла, которые тратят по 20 минут на дорогу туда и обратно.

М. Шмулевич:

Спасибо, Сергей. Вы высказали то, что у Вас наболело.

Роберт, можете ли Вы, пользуясь языком беспристрастных цифр, сказать, что мешает работать иностранным компаниям в России, на что они жалуются?

Р. Фариш:

Я отвечу, ориентируясь на те компании, с которыми мы работаем. Многие из них нацелены на внутренний рынок, то есть реализуют продукцию и услуги в пределах Российской Федерации. Возможно, мой ответ косвенно связан с проблемами предпринимательства и инноваций, а также появления новых компаний в Российской Федерации. В России недостаточно отраслей производства и крупных компаний, которых инвестиции в ИТ могут значительно продвинуть в части конкурентоспособности. Можно потратить много денег, но поможет ли это? Руководитель должен принять рациональное решение. Если у него есть монополия в какой-то отрасли, если его предприятие входит в картель, то уровень вложений в ИТ-сектор ему уже неважен, поскольку определенный уровень функциональности обеспечивается ему в любом случае. Главная проблема — это связь между политикой, бизнесом и структурой отрасли и их влиянием на информационные технологии.

М. Шмулевич:

Спасибо, все понятно.

Тасо, отвечая на прошлый вопрос, Вы говорили про хорошую подготовку инженеров в России, где Вы сейчас работаете. Что Вы можете сказать о других условиях ведения бизнеса? Меня особенно интересует плохое. Может

быть, у нас избыток бюрократии, может быть, есть что-то, связанное с налогами, может быть, Вам приходится слишком много платить этим инженерам?

Т. Дю Валь:

Здесь, безусловно, есть таланты. Кажется, все панелисты с этим согласны. Мохаммад говорил о том, что людей надо загонять в угол, чтобы они создавали революционные технологии, порождающие 50 тысяч рабочих мест. Прекрасно, если такая ниша существует. Однако инфраструктура опциона на акции и законодательство России и СНГ абсолютно не подходят для этой цели. Я имею в виду не только действующую правовую инфраструктуру, но и общественные отношения вокруг нее. Я отдельно говорил об этом на другой площадке, но считаю важным изложить свою мысль и здесь. Мы предложили нашим инженерам опцион на акции, но они отказались, посчитав это предложение обманом. В это невозможно поверить. Это совершенно неслыханно! И таких случаев было не один и не два, а почти десять! Я пытался добраться до сути, разговаривал со многими инженерами, объяснял, что я их не понимаю, предполагал, что причина – в моем незнании здешних реалий. Оказалось, что всему виной устоявшееся мнение об опционах. В США они ассоциируются с успехом, в России — с далеко не самыми приятными вещами.

И проблема здесь не только в общественном мнении, но и в законодательстве. К радикальным положительным изменениям может привести только модификация существующего законодательства. Не думаю, что создатели Google или Facebook, работай они в России, были бы заинтересованы в создании своих компаний. Возможно, они работали бы на других. Или выбрали бы другой путь в жизни, или присоединились к другой компании. Нет сильных побудительных мотивов как с правовой точки зрения, так и с общественной. Вспомнить хотя бы недавний скандал с vk.com. Это как если бы правительство поглотило Facebook. С точки зрения общественного

мнения — хуже не придумаешь. Это повлияло бы на ведение бизнеса, на стартапы и реализацию глобальных идей, потому что при отсутствии правовой инфраструктуры большинство предпринимателей не станут полностью отдаваться своему делу. Лишь немногие пойдут на риск. Необходимо работать над правовой инфраструктурой, над общественным мнением о ней и затем претворять замысел в жизнь.

М. Шмулевич:

Большое спасибо, Тасо.

Действительно, законодательные изменения нужны и, в частности, те, о которых Вы сказали. Мы это знаем и планируем в текущем году внести изменения в законодательство, облегчающие использование опционов как средства мотивации сотрудников.

Аркадий, у вас девять с половиной тысяч сотрудников: сколько из них работают в России?

А. Добкин:

Около полутора тысяч.

М. Шмулевич:

Вы сравниваете различные страны прежде всего по таким параметрам, как налоговый режим и стоимость рабочей силы. Как выглядит Россия в сравнении с другими странами?

А. Добкин:

Я думаю, что такой подход слишком упрощает ситуацию. Основная проблема состоит в том, что параметров много. Мы напоминаем людей, говорящих про большого слона: один трогает его за хвостик, другой — за хобот, третий — за ухо, и каждый фиксирует совершенно разные параметры. Главное для компании — это толковые, способные люди, и не важно, чем эта компания

занимается — продуктами или услугами, аппаратными или программными средствами. Один-два процента звезд есть в каждой компании. И все равно нужно создавать рабочие места. Так получилось, что в России у нас занято меньше сотрудников. Льготы, о которых Вы говорите, были предоставлены недавно и скоро будут сравнимы с теми, которые действуют в Украине и Белоруссии. Но дело скорее в том, что в Белоруссии мы запустили свой бизнес на десять лет раньше, чем в России.

Я согласен со словами Сергея по поводу университетов: это ключевой фактор. Но если говорить об Америке, есть одна проблема: сколько в университетах коренных американцев — тех, кто родился в Америке? Думаю, что очень немного.

Есть и другая проблема. Дмитрий говорит: давайте сделаем хаб и будем привозить сюда талантливых людей. Америка это сделала, поскольку инженерия, Computer Science, перестала быть престижным занятием. И тогда началось выкачивание мозгов, потому что все стали финансовыми аналитиками, супервайзерами, брокерами: очень много талантливых людей ушло в эти сферы. И я согласен с Сергеем в том, что надо сделать эту специальность престижной в России.

Я не против того, чтобы привозить талантливых людей в Россию. Было бы здорово, если бы они приехали, но надо создавать здесь университеты и инфраструктуру. Америка еще сильно поплатится за свое решение развивать Индию.

М. Шмулевич:

Спасибо.

Мы много говорим о том, что нужно и можно сделать. Наверняка каждый из вас имеет собственное представление о том, как изменится ИТ-отрасль в мировом масштабе в ближайшие десять лет.

Мохаммад, следующий вопрос — к Вам, обладающему огромным опытом. Сегодня практически все, даже те, кто не очень глубоко знаком с ИТ-отраслью,

знают, что Индия ассоциируется с заказными разработками, США — наверное, со стартапами и крупными ИТ-компаниями. В некоторых странах, включая Россию, есть хорошие инженеры. Все это — тривиальные вещи. Как Вы думаете, Мохаммад, изменится ли характер глобального распределение труда в ИТ-сфере, если говорить о ближайших десяти годах? Могут ли отдельные страны стать лидерами в тех сегментах, где никто не ждет от них этого? Или существенных изменений не будет?

М. Гавдат:

С моей точки зрения, самой важной тенденцией является идея «всплесков», как мы их называем. Я не думаю, что в будущем мир будет состоять из множества компаний типа Microsoft. Намечается отчетливая тенденция рассредоточения инноваций. Возьмем, к примеру, революцию среди девайсов: всё то, что мы делаем ежедневно, выполняется не одним, а тысячей приложений. Я вижу в этом безграничное преимущество, особенно для России и стран СНГ, таких как Украина. Здесь разрабатывается несоизмеримое количество приложений по сравнению с прошлыми годами, когда создавались базовые устройства общего назначения. Это очень интересная тенденция.

В свете того, что мы называем «демократией информации» или «демократией знаний», когда видео и онлайн-образование меняют систему обучения, становится крайне сложно выявить выдающийся талант. Выдающиеся таланты могут быть где угодно в мире. Исследовано множество случаев, когда талантливые инноваторы обнаруживаются самых неожиданных местах посреди Африки. Олимпийские чемпионы получают образование онлайн. Что вызывает «всплеск» таланта, я не знаю, и никто не знает. Если обратиться к цифрам, то предсказуемо лидируют Индия и Китай — страны с наибольшим населением. Просто, как дважды два. Во многих отношениях, это почти ожидаемо. Соревноваться здесь нет смысла, но и всплеска действительно выдающегося таланта здесь ждать не стоит.

В заключение небольшая рекомендация относительно изменений в России: можно попросить Yandex не принимать всё так близко к сердцу?

М. Шмулевич:

Спасибо, Мохаммад.

Дмитрий, Вы наверняка много думаете о будущем: доказательство этому — создание фонда Grishin Robotics, во многом ориентированного на перспективные технологии. Что, с Вашей точки зрения, может принципиально измениться в мировом разделении труда в ИТ-отрасли за десять лет?

Д. Гришин:

Я согласен с тем, что онлайн-образование сильно поменяет привычную нам картину мира. Если раньше хорошее образование мог получить только тот, кто поступал в крупный университет, то сейчас все иначе. Да, наверное, непосредственное общение с преподавателем сильно влияет на процесс обучения, но все равно многие курсы Гарвардского, Стэнфордского и других университетов выкладываются в интернет. Надеюсь, что скоро этим начнут заниматься и российские университеты. Число людей, которым открыт доступ к знаниям, возрастет, и это серьезно изменит положение дел в ИТ-отрасли: в ней будет занято гораздо больше работников, чем сейчас, появятся новые лидеры. Возрастет роль стран Африки и Латинской Америки. Мне кажется, что большинство стран тем или иным способом начнут активно участвовать в дележке пирога, называемого ИТ-рынком. Больше диверсификации, больше игроков: вот что будет происходить.

М. Шмулевич:

Большое спасибо.

Мы сегодня поговорили про условия ведения ИТ-бизнеса, про налоги и даже про образование и науку, что многим из вас могло показаться неожиданным. Я полностью согласен с тем, что образование и наука крайне важны, что их

состояние в перспективе будет влиять на ИТ-индустрию в каждой стране так же сильно, как и условия для ведения бизнеса. Поэтому работать нужно в обоих направлениях.

Спасибо всем панелистам. Мне кажется, дискуссия была интересной.